

## В. Р. ЗОТОВ—ГЕРЦЕНУ

Публикация А. Н. Дубовикова

Литературная деятельность Владимира Рафаиловича Зотова (1821—1896)— известного в свое время петербургского писателя, журналиста и редактора, — так же, как и его биография, не подвергалась до сих пор научному исследованию. Незучеными поэтому остаются и общественно-политические взгляды Зотова. Как литератор он был тесно связан с органами печати либерального направления. Однако Зотов не без сочувствия относился и к некоторым формам демократического и революционного протеста. Оппозиция самодержавию толкала порою Зотова на поступки, выходявшие далеко за пределы того, что было типично для российских либералов. Примечателен в этом отношении эпизод, сообщаемый народовольцем Н. А. Морозовым. В своих воспоминаниях Морозов рассказывает, что Зотов принял к себе на хранение архив Обществ «Земля и воля» и «Народная воля» (Н. А. Морозов. Повести моей жизни, г. II, М., 1947, стр. 431—436 и 511). Объясняя поведение Зотова и других либералов, оказывавших ту или иную помощь народовольцам, Морозов пишет: «Все они сочувствовали исключительно политической (а не социальной) части нашей деятельности и были готовы помогать нам лишь постольку, поскольку мы способствовали расшатыванию абсолютизма в России» (там же, стр. 456). Справедливость этой оценки подтверждается всей историей отношений Зотова к Герцену, — историей, которая епсгь может быть существенно дополнена публикуемым письмом.

В 1867 г. Зотов рискнул нелегальным путем отправить письмо к Герцену. Этот факт да и самое содержание письма свидетельствуют, что Зотов принадлежал к тем немногим русским деятелям, которые и во второй половине шестидесятых годов, в условиях суровой политической реакции, продолжали поддерживать опасную связь с Герценом.

Зотов познакомился с Герценом в 1846 г. у Краевского. Рассказывая об этом в своих воспоминаниях «Петербург в сороковых годах», он отметил глубокое впечатление, которое произвел на него «этот богато одаренный природою человек и писатель» («Исторический вестник», 1890, № 4, стр. 113). Он высоко оценил «превосходный» роман «Кто виноват?» и «Записки доктора Крупова», причислив эти произведения «к разряду необыкновенных явлений в нашей литературе по глубине мысли, проникнутой общечеловеческим чувством» («Очерк библиографической истории русской словесности в 1847 году», статья вторая. — «Литературная газета», 1848, № 6, стр. 88). В 1857 г., когда запрет, наложенный Николаем I на заграничные поездки, был отменен, Зотов, как и многие другие писатели, ездил за границу и бывал у Герцена. В Лондоне Герцен водил его на митинги и в клубы, знакомил с тогдашними политическими деятелями («Исторический вестник», 1890, № 4, стр. 113). Упоминания о приезде Зотова мы находим в июльских письмах Герцена 1857 г. (VIII, 551—552; IX, 10). Н. А. Морозов в названных выше мемуарах сообщает, что при первой же встрече с ним Зотов показал ему коллекцию нелегальных произведений и по поводу сборника «Русская потаенная литература XIX века», изданного Герценом и Огаревым, заметил: «Почти все это было собрано мною в России и мною же отвезено Герцену для печатания» (Н. А. Морозов. «Повести моей жизни», лит. изд., т. II, стр. 433). В этом утверждении содержится, конечно, большая доля преувеличения, к которому вообще был склонен Зотов (достаточно сослаться на переданный в тех же воспоминаниях Н. А. Морозова рассказ Зотова о его дружеских встречах с Пушкиным,

Гоголем и другими знаменитостями). Но нет ничего невероятного в том, что он действительно передал Герцену некоторые списки нелегальных произведений русских писателей, тем более что антиправительственное стихотворение самого Зотова «Шарманка» было напечатано в «Колоколе» (л. 5 от 1 ноября 1857 г.) и, повидимому, доставлено Герцену самим Зотовым в тот же приезд (см. об этом в работе: М. К л е в е н с к и й. Герцен-издатель и его сотрудники. — «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 591—592).

Во второй раз Зотов посетил Герцена в Женеве весной 1867 г. (не позднее конца мая), о чем он кратко упоминает в тех же воспоминаниях («Не забыть мне и последних бесед наших еще через десять лет в Женеве, на берегу ее синего озера... Но обо всем этом говорить еще рано» («Исторический вестник», 1890, № 4, стр. 113). Некоторый свет на содержание этих бесед проливает публикуемое нами письмо. Очевидно, Герцен использовал встречу с Зотовым, чтобы через его посредство найти возможность печататься в России. «Зачем в России нельзя печатать моих статей, — ну, хоть без подписи?» — спрашивал он М. П. Погодина в письме из Ниццы 13 августа 1867 г. (XIX, 432). Выполняя поручение Герцена, Зотов сообщает ему о согласии Краевского и своем собственном пойти навстречу этому желанию и намечает детальный план конспирации. Остается неизвестным, был ли осуществлен Герценом этот план и послал ли он Зотову какие-либо материалы для напечатания в газете «Голос» и журнале «Отечественные записки», которые издавал Краевский. Заметим кстати, что вскоре Герцену удалось через посредство А. П. Пятковского напечатать несколько своих фельетонов под общим названием «Скуки ради» за подписью И. Нионский, в журнале «Неделя» (№ 48 за 1868 г. и №№ 10 и 16 за 1869 г.; см. XXI, 152—179 и «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 137—145 и 287).

Зотов переслал свое письмо через Алексея Осиповича *Баумана*; в конце письма Бауман приписал несколько строк. Он занимался в Петербурге издательской деятельностью. С начала пятидесятых до середины восьмидесятых годов он издавал мелкие журналы, иллюстрированные книги, месiacесловы, календари и пр., рассчитанные на широкий сбыт. В частности, он был издателем «Иллюстрации» и других еженедельников, которые редактировал Зотов с 1858 по 1876 г. Бауман, иностранец, ездивший за границу лечиться, мог, разумеется, без всякого риска перевозить через границу нелегальную корреспонденцию. В статье С. Шубинского «Пятидесятилетие литературной деятельности В. Р. Зотова» дана характеристика Баумана, основанная, повидимому, на информации самого Зотова: «Издатель Бауман был франкфуртский спекулятор, бравшийся за все, чтобы нажить деньги: открывавший увеселительные заведения в окрестностях столицы, писавший и издававший музыку, занимавшийся фотографией и составлением медицинских брошюр и кончивший тем, что, превратив еще раз «Иллюстрированную газету» и «Воскресный досуг» сначала в «Иллюстрированную неделю», потом в «Иллюстрированный вестник» и в «Неву», бежал из Петербурга, обобрав не только горсть доверчивых подписчиков, но и бедных сотрудников, получавших нищенский гонорар за свои работы» («Исторический вестник», 1890, № 11, стр. 508).

О том, в какой степени Герцен был заинтересован в установлении литературных связей с Россией, свидетельствует быстрота, с которой он отвечал Бауману на его письмо, полученное 5 октября. Ответное письмо Герцена, датированное 8 октября 1867 г., было напечатано М. К. Лемке, как «письмо к неизвестному». Теперь, зная письмо Зотова, мы имеем возможность с полным основанием утверждать, что «неизвестный» этот — А. О. Бауман. Вот текст письма Герцена: «Письмо, которое вы были так добры, что переслали мне в Женеву, я получил. Содержание вы его знаете. Пробу сделать я готов, т. е. прислать какую-нибудь небольшую рукопись, если Краевский» напечатает ее, не сказав, и пришлет гонорар книгопродавцу Георгу (George, Genève, Corraterie, pour remettre à M-r V. Zagorsky). Когда и кому ее доставить и как? Не напишете ли об этом сюда, просто на мое имя и по адресу, как написано. Еще раз благодарю, ваш А. Герцен» (XX, 20—21).

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 130).

Петербург. 5/17 сентября 1867

Мой приятель отправляется за границу, и я пишу к вам несколько строк. Прежде всего о деле. Печатать статьи, о которых вы говорили, может здесь один Краевский — и он очень рад будет сделать это. Надобно только, чтобы, посылая статью, вы приложили к ней письмо хоть от Иванова, — только не Желудкова<sup>1</sup>, — с изъяснением, что сей муж и писатель, живя в Лозанне, Вевее или в другом каком месте (полагаю, что женевский климат вреднее для здоровья, чем те вышеозначенные места) и лечась от ран или гемороя, желает посвятить досуг свой отечеству и готов высылать свои измышления, за посильное вознаграждение, в редакцию такого-то издания — хоть «Отечественных записок», что ли, или мою — это все равно. Адресовать можно прямо на имя редакции. Не худо, если бы при письме с приложением статьи были и некоторые биографические подробности — о жизни и прохождении службы автора.

Первую статью в этом роде можете, впрочем, прислать прямо на имя Alexis Baumann, куда именно? еще не знает он теперь и сам, ибо едет лечиться, и в Дрездене ему скажут, куда направить стопы. Поэтому в конце сего послания вы найдете приписку, сделанную его рукою, в которой он уведомит, куда к нему писать и когда он пустится в обратный путь. В конце октября он, во всяком случае, рассчитывает уже быть в Петербурге. С ним вы можете послать мне что хотите, и, во всяком случае, если не успеете доставить ему статью, то черкнете мне несколько слов.

С тех пор, как я виделся с вами, произошло много важных событий, начиная с атентата \* 6-го июня<sup>2</sup> до... ну хоть до прекращения «Колокола». Здесь вообще думают, что оный не возобновится<sup>3</sup>, и последние номера его за нынешний год не могли — скажу откровенно — возбудить к нему расположения, давно угасшего в публике. Хоть бы и статья в нем об атентате: многие находят, что она очень слаба и уклончива. Царевубийство, конечно, дело скверное, как и вообще всякое убийство. Но чем же лучше и народоубийство всякого рода, в котором с таким успехом подвизаются разные венценосцы? Больше всех против Березовского воиют разные потомки и родственники душеителей Павла, а ведь задавить ночью семерым одного человека — надо гораздо меньше храбрости, чем поднять на другого руку, при тысячах народа, почти без всякого шанса к спасению — в случае удачи или неудачи. А ведь павловские туги (thugs)<sup>4</sup>, совершив свое дело, очень спокойно разошлись по домам. Два монарха, поссорясь между собою из-за дипломатической гримасы, сделанной которым-нибудь из них, лишают живота тысячи своих ни в чем не повинных подданных — и этого никто, даже история, не называет преступлением, а доведенный до крайности или полупомешанный фанатик, вообразивший, что с заменою одного властителя другим изменится традиционный порядок вещей на свете, — неслыханный злодей, изверг рода человеческого!

...не диво ли, что боги

За беззакония его к нам столько строги!

а поэтому немудрено, что конец его известен:

приговорили —

и на костер вола взвалили.

А в то же время самые невинные и благодушные поэты, как Василий Андреевич Жуковский, в простоте сердца, в самых цензурных своих произведениях высказывают иногда наивнейшим образом такие фразы,

\* покушения (франц. attentat)

В. Р. ЗОТОВ

Фотография, 1860-е гг.

Институт русской литературы  
АН СССР, Ленинград

которые могут быть приняты за самую горькую пронию. Так, почти в то же время, когда Крылов писал свою басню «Мор зверей», Жуковский переводил балладу Бюргера «Ленору», первые строки которой гласят:

С императрицею король  
За что-то раздружились,  
И кровь лилась, лилась, доколь  
Они не помирились.

Как хорошо это за *что-то*, после чего кровь льется, льется до тех пор, пока монархам не вздумается помириться!..

На эту тему «Колокол» мог бы сказать многое, но это еще не главное. Он упал в общем мнении более всего от его пристрастия к полякам, от того, что защищали их во всяких случаях *quand-même* \*, в ущерб явной справедливости. Угнетенные и гонимые, конечно, заслуживают участия, но не тогда, когда они гнетут и гонят других. Ливчак писал, чтобы редактор «Колокола» посмотрел и разузнал, что делают поляки в Галиции с бедными крестьянами, а «Колокол» посмеялся только над плохим русским языком Ливчака и отвечал, что не будет ничего читать и узнавать. Разве это ответ? Обвинению редактора в поджигательстве никто не верит, но все верят, что он скорее поляк, чем русский, что он с намерением скрывает все их дурные стороны и поступки, печатает все статьи за них и ни одной против них, верит всему, что пишут их защитники, и ничему, что говорят об них самые беспристрастные люди. Нет ничего ужаснее вражды между братьями; но если посреди увлечений племенной ненависти нельзя сохранить строгой справедливости, зачем же брать безусловно сторону поляков, разделяя все их заблуждения, преувеличения, ошибки и дурные дела?.. Вот вам мнение большинства, еще так недавно вполне сочувствовавшего «Колоколу», а теперь отзывающегося о нем в выражениях, гораздо более жестких, чем те, которые я привел <sup>5</sup>. А поверьте, что если глас народа и не божий глас, то, во всяком случае, он заглушил звон «Колокола» криком общего неодобрения, и теперь

\* несмотря ни на что (франц.).

к «Колоколу», слишком слезно плачущему о Польше, гораздо более идет середина, чем начало его эпитафии: *mortuos plango* \* 6.

Что сказать вам о нашем положении вообще? Оно весьма неутешительно — и печальнее всего наши финансы. Мы, действительно, очень недалеко до банкротства. Неспособность и бездарность Рейтерна равняются разве только его упрямству и упрямству, с которым его держат на месте? Каждая новая мера его — верх нелепости: заем под железную дорогу, покупка золота — все это не удается, потому что задумано глупо, исполнено бестактно. Теперь он готовит новый заем, с лотереєю по 25-ти руб. за билет, чтобы вытянуть последние деньги у бедняков. Сторублевый билет был не по карману многим, по 25 рублей скопит всякий ремесленник, лакей украдет их у барина — и все снесут в государственный банк. Что будет потом? — об этом они не думают. На наш век хватит. Теперь, впрочем, делается сомнительно: хватит ли? и потоп легко может начаться не после нас, а с нас прямо, да и Ноев у нас не обретаются, чтобы построить ковчег спасения. Государь не возвращается из Ливадии, потому что нездоров, что не мешает ему, однакоже, делать дипломатические несообразности, говоря языком дипломатии: любезничать с Фуад-пашою, посылать ему александровские ленты, отправлять брата в Константинополь в гости к султану<sup>8</sup>. Внутри администрация валит, как всегда, через пень-колоду; никакой системы в управлении, ни малейшей последовательности, ничего твердого, положительного, постоянного. Хоть бы гнулись уж куда ветер подует, а то нет: и поретроградничать хочется, и либеральничать позыв бывает — но и то и другое является некстати, в неумелых, неуклюжих попытках, так и хочется сказать, изменив немного стихи поэта:

Нет ни в чем вам благодати,  
И во всем у вас разлад:  
И умны-то вы некстати,  
Да и глупы невпопад<sup>9</sup>.

Чем кончится это царство безалаберности — сказать трудно. Но что от нее приходится плохо и управляющим, и управляемым — это ясно, а что такой правительственный сумбур не может же вечно продолжаться — это еще яснее. Грустно только, что государственная разладица господствует и в обществе. Порядочных людей в нем еще меньше, чем порядочных идей, а последних теперь со свободой печати (*liberté de la presse* — *liberté de presser chacun comme on veut* \*\* — августейший каламбур покойного Михаила Павловича) что-то и вовсе не встречается. Журналы ругаются между собою не на живот, а на смерть, изредка, впрочем, и дипломатическим тоном, поругивая и правительство. Без Валуева — сходило с рук. Уезжая, он не приказал без себя делать предостережений, поелику один он знает, когда и кого нужно пристукнуть. Хорошо хоть и то, что вздохнуть дали. Теперь, впрочем, в Петербурге нет ни одного министра — все в разгоне, все пользуются виледжиатурой \*\*\*. Пример заразителен. Милютин состряпал хороший указ, которым обеспечивается участь солдат, не исключаемых теперь из списков своей общины, при поступлении в рекруты<sup>10</sup>. Толстой-просветитель<sup>11</sup> ездит по попам и епископам, усовещевая их отдавать хоть крупицы боговы — кесарю, который теперь очень в этом нуждается. Толстой-почтовый<sup>12</sup> все хворает и жалеет, что слишком долго играл роль шута, которая так тяжела, что вряд ли ему придется долго играть роль министра, несравненно

\* мертвых оплакиваю (лат.).

\*\* свобода тиснения — свобода притеснять каждого, как вздумается (франц.).

\*\*\* отдыхом на даче (от итал. «villeggiatura»).



Ваше письмо от 17-го сентября 1867 г. получено. Благодарю вас за него. Я очень рад, что вы пишете мне. Я очень люблю получать от вас письма. Я очень рад, что вы пишете мне. Я очень люблю получать от вас письма.

Ваше письмо от 17-го сентября 1867 г. получено. Благодарю вас за него. Я очень рад, что вы пишете мне. Я очень люблю получать от вас письма. Я очень рад, что вы пишете мне. Я очень люблю получать от вас письма.

Ваше письмо от 17-го сентября 1867 г. получено. Благодарю вас за него. Я очень рад, что вы пишете мне. Я очень люблю получать от вас письма. Я очень рад, что вы пишете мне. Я очень люблю получать от вас письма.

Ваше письмо от 17-го сентября 1867 г. получено. Благодарю вас за него. Я очень рад, что вы пишете мне. Я очень люблю получать от вас письма. Я очень рад, что вы пишете мне. Я очень люблю получать от вас письма.

Ваше письмо от 17-го сентября 1867 г. получено. Благодарю вас за него. Я очень рад, что вы пишете мне. Я очень люблю получать от вас письма. Я очень рад, что вы пишете мне. Я очень люблю получать от вас письма.

Ваше письмо от 17-го сентября 1867 г. получено. Благодарю вас за него. Я очень рад, что вы пишете мне. Я очень люблю получать от вас письма. Я очень рад, что вы пишете мне. Я очень люблю получать от вас письма.

Ваше письмо от 17-го сентября 1867 г. получено. Благодарю вас за него. Я очень рад, что вы пишете мне. Я очень люблю получать от вас письма. Я очень рад, что вы пишете мне. Я очень люблю получать от вас письма.

АВТОГРАФ ПИСЬМА В. Р. ЗОТОВА К ГЕРЦЕНУ ОТ 5/17 СЕНТЯБРЯ 1867 г.

Листы первый и последний

Сверху помета неизвестной рукой о получении письма; внизу приписка рукой А. О. Баумана

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

легчайшую. Кажется, скоро отправится к прадедам еще одна знаменитость — хоть по каламбурам — светлейший Меншиков<sup>13</sup>. На днях с ним был удар, но он перенес его, говоря, что это — первое предостережение и потому не страшно. Сказали ему также, что общий говор назначает его министром финансов, на смену Рейтерну. «Это будет очень кстати, — отвечал князь, — я был адмиралом, когда у нас не было флота, главнокомандующим, когда не было армии; теперь самая пора быть министром финансов, когда нет денег».

Один, кто у нас не стареет, не изменяется, не разваливается — это вечно юный, завитой, раздушенный, разуряженный граф Владимир Федорыч<sup>14</sup>. Недавно он был почти совсем слепым, но доктора сняли ему катаракт с обоих глаз, и он опять отлично видит, где и что можно положить в свой карман из сумм придворного ведомства. А морщин и следа нет — такой отличный парик соорудили ему — хоть сейчас новую Мину Ивановну<sup>15</sup> заводи.

Однако я заболтался. Хоть вы и не часто получаете новости из России, но все же чтение моей болтовни отнимет у вас много времени. Из нее вы увидите, впрочем, мою готовность служить вам, чем могу. Ваш лондонский и женевский прием слишком памятен мне, и я дорого ценю расположение, которое вы оказали мне во время моих странствований. Надеюсь получить от вас в ответ хоть несколько строчек.

Искренно уважающий вас

В. З о т о в

*Приписка на этом же листе рукою А. О. Баумана:*

Si vous avez une réponse à donner, Monsieur, veuillez bien l'adresser jusqu'au 7/19 octobre au plus tard à l'adresse suivante:

Mr Alexis Baumann, Bad Elgersburg in Thüringen \*

*Надпись о получении неустановленным почерком:*

Reçu le 5 oct. 67. W.

*На л. 1, в левом верхнем углу, Зотовым надписано:*

Quai Mont Blanc, № 7.

<sup>1</sup> *Иванов-Желудков*—псевдоним В. И. Кельсиева, которым были подписаны его статьи, присланные им из-за границы и напечатанные в 1866—начале 1867 г. в «Отечественных записках» и «Голосе». (О Кельсиеве см. ниже, на стр. 159—218 настоящего тома). Обращаясь к Герцену, Зотов должен был уже знать о «покаянии» Кельсиева, отдавшегося в руки русских властей 20 мая и доставленного в Петербург 3 июня 1867 г. Этим, повидимому, и было вызвано шутовское предостережение, сделанное Зотовым Герцену по поводу будущего псевдонима.

<sup>2</sup> 6 июня 1867 г. в Париже поляком Березовским было совершено покушение на Александра II. Герцен поместил в «Колоколе» (л. 243 от 15 июня) заметку «Выстрел 6 июня», в которой писал: «...Ни вопль безумных крикунов, ни брань сильных мира сего не заставят нас ни превозносить этого рода попыток, влекущих за собою страшные бедствия, ни произнести слова осуждения мученикам, которые обрекают себя на смерть и которых совесть чиста, именно потому, что они фанатики» (XIX, 351—352). Далее Герцен, предвидя, что шовинистические антипольские тенденции в русском обществе неизбежно усилятся, заявлял, что выстрел Березовского не будет иметь никакого влияния на дух и направление «Колокола».

Герцен последовательно осуждал тактику индивидуального террора. Язвительные же выпады Зотова против тирании самодержавия были всего лишь проявлением либерального фроддерства, отнюдь не исключавшего верноподданнического угодничества (см., например, в цитированных выше воспоминаниях Зотова его слащавый рассказ о благородстве и великодушии Александра II).

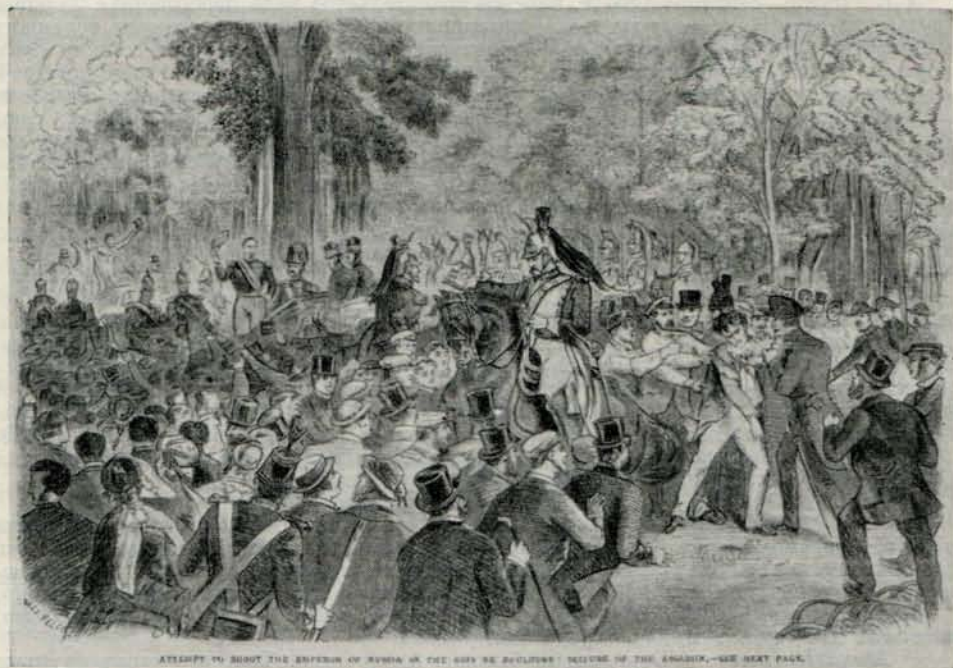
<sup>3</sup> Герцен объявил о временном (до 1 января 1868 г.) перерыве издания «Колокола» в предисловии к л. 244-245, вышедшему 1 июля 1867 г. После этого перерыва издание «Колокола», действительно, уже не возобновилось.

\* Если будет ответ, благоволите, милостивый государь, направить его не позднее 7/19 октября по следующему адресу: г-ну Алексею Бауману, Бад Эльгерсбург, в Тюрингии (франц.).





THE KINGDOM OF THE BARRIERS II. THE ASSASSIN AT THE END OF THE CARriage OF ALEX. II. THE KING OF RUSSIA AND HIS WIFE.



ATTEMPT TO SHOOT THE EMPEROR OF RUSSIA AS HE GOES TO VISIT THE BARRIERS OF THE ANASSIN.—SEE NEXT PAGE.

ПОКУШЕНИЕ БЕРЕЗОВСКОГО НА АЛЕКСАНДРА II В ПАРИЖЕ, 6 ИЮНЯ 1867 г.  
 «Illustrierte Zeitung», № 1253 от 6 июля 1867 г. (верхний рисунок)  
 «The Illustrated London News», № 1431 от 15 июня 1867 г. (нижний рисунок)



<sup>4</sup> *Туги* — душители (от англ. «thugs»), название одной из изуверских сект в Индии.

<sup>5</sup> Польский вопрос, со всей прямоотой и принципиальностью поставленный Герценом в 1863 г., не сходил со страниц «Колокола» и в последующие годы. Именно это имел в виду Ленин в статье «Памяти Герцена»: «Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все „образованное общество“ отвернулось от „Колокола“, Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 13).

Зотов, излагающий в своем письме «мнение большинства», довольно точно характеризует отношение русских либералов к «Колоколу» в последние месяцы его существования. Сам он тоже считает линию, проводимую «Колоколом», ошибочной, хотя в его высказываниях и нет той резкости и непримиримости, которая была свойственна в ступлении политических противников Герцена.

*И. Н. Ливчак* — редактор украинского националистического журнала «Страхопуд», издававшегося в Вене. Зотов имел в виду его статью «Что такое Польша?» (см. XIX, 359) и письмо к Герцену, которое было перепечатано в «Колоколе» с саркастическими комментариями. Отказ «Колокола» от полемики с Ливчаком объясняется тем, что Герцену была ясна политическая физиономия этого врага польского народа, реакционера, скорбевшего о Галиции, лишенной «своего царя» и «своего дворянства» (см. в л. 243 «Колокола» от 15 июня 1867 г. заметку «Меньшие братья шалят на вакациях» — XIX, 360—361).

<sup>6</sup> Полный текст латинского эпиграфа к «Песне о колоколе» Шиллера, откуда Герценом был взят девиз «Колокола», читается так: «Vivos voco, mortuos plango, fulgura frango» («Живых призываю, мертвых оплакиваю, молнии отожую»). Шиллер заимствовал этот текст из традиционной надписи на колоколах средневековых храмов.

<sup>7</sup> М. Х. Рейтерн был министром финансов с 1862 по 1878 г. В эти годы финансы России находились в крайне тяжелом состоянии. Рейтерн делал тщетные попытки несколько улучшить это положение. Чтобы укрепить падающий курс кредитного рубля, в 1867 г., по предложению Рейтерна, Государственному банку было предоставлено право покупать звонкую монету (русскую и иностранную), а также золото и серебро в слитках. Среди других мер им был выдвинут вопрос о передаче Николаевской железной дороги в частные руки — Главному обществу российских железных дорог, что и было осуществлено в 1868 г. Начало этой операции было положено в 1867 г. выпуском облигаций Николаевской железной дороги на сумму 75 миллионов рублей («заем под железную дорогу»).

<sup>8</sup> В августе—сентябре 1867 г. царское правительство вело переговоры с Турцией о судьбе острова Крита, где греческое население подняло восстание против турецкого владычества. Царское правительство предлагало следующее: Турция должна отказаться от Крита, остров должен быть присоединен к Греции. Во время этих переговоров Александр II, находившийся в Крыму, встретился 21—24 августа с турецким министром иностранных дел Фуад-пашой; как сообщалось в русских газетах, паша «удостоился очень милостивого приема» и был награжден знаками ордена Александра Невского. С этими же переговорами связан был и состоявшийся в середине сентября дипломатический визит в Константинополь наместника Кавказа в. к. Михаила Николаевича. Нерешительность русского правительства и неблагоприятная для восставшей позиции «великих держав» привели к тому, что Турция, жестокими мерами подавив восстание, сохранила свое господство над Критом.

<sup>9</sup> Перефразированная эпиграмма Пушкина: «Нет ни в чем вам благодати...»

<sup>10</sup> В соответствии с новым «Положением об устройстве отставных и бессрочно-отпускных нижних чинов» (оно было разработано военным министром Д. А. Милютиным и утверждено 25 июня 1867 г.) солдаты, увольняемые с действительной службы получали свои прежние гражданские права и могли приписываться к городским или сельским обществам. Кроме того, они получали право на денежное пособие от казны и некоторые льготы (см. «Исторический очерк деятельности военного управления в России», сост. Шильдером и Хорошкиным, т. IV. СПб., 1880, стр. 526—527).

<sup>11</sup> *Толстой-просветитель* — Д. А. Толстой, министр народного просвещения и обер-прокурор святейшего синода, ярый реакционер.

<sup>12</sup> *Толстой-почтовый* — И. М. Толстой, министр почт и телеграфов.

<sup>13</sup> *Светлейший Меншиков* — А. С. Меншиков, занимал крупные посты в армии и флоте; во время Крымской войны он был главнокомандующим. Никакими военными способностями он не обладал; современники прозвали его «героем проигранных сражений». Зато репутация его как находчивого остряка и каламбуриста стояла высоко.

<sup>14</sup> *Граф Владимир Федорыч* — В. Ф. Адлерберг, министр императорского двора, известный хищениями и казнокрадством.

<sup>15</sup> *Миша Ивановна* — Буркова, любовница Адлерберга. Тем, кто давал крупные взятки, она доставала через своего покровителя выгодные должности, награды, титулы и проч. Герцен не раз упоминал о ней в «Колоколе».